

Научная статья
УДК 904(571.122)''17-19''
doi: 10.17223/15617793/517/14

Жертвенные животные у южных хантов (по материалам святилища XVII–XIX вв. Нялинское-1)

Вячеслав Владимирович Гасилин¹, Елизавета Андреевна Креминская², Ольга Петровна Бачура^{3, 4},
Андрей Владиленович Новиков⁵

^{1, 3} Уральское отделение Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

⁴ Сургутского государственного университета, Сургут, Россия

⁵ Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия

¹ GasilinV@yandex.ru

² liz.ka1999@mail.ru

^{3, 4} olga@ipae.uran.ru

⁵ novikov@archaeology.nsc.ru

Аннотация. Изучено 1146 костей из археологического комплекса Нялинское-1. Определено 428 костей от пяти форм домашних (68%) и шести видов диких млекопитающих (14%), 5 костей водоплавающих птиц и 106 костей рыб. Северный олень (18%) не отнесен к домашней или дикой форме. Кости всех животных значительно раздроблены. Материал отнесен к остаткам ритуалов и трапез мужского святилища хантов. Установлено, что чаще всего в жертву приносились копытные животные: крупный рогатый скот, лошадь, северный олень, лось, свинья. Видовой состав животных на памятнике типичен для святилищ южных хантов.

Ключевые слова: ритуалы хантов, жертвоприношения животных, остеология, археозоология

Благодарности: коллектив авторов выражает благодарность сотрудникам ИЭРиЖ УрО РАН (Екатеринбург) Т.В. Лобановой за помощь в определении костей северного оленя, канд. биол. наук М.М. Девяшину за определение костей птиц и д-ру ист. наук, профессору Томского государственного университета (Томск) М.П. Чёрной за ценные замечания и обсуждение результатов исследования.

Источник финансирования: работа выполнена в рамках госзадания ИЭРиЖ УрО РАН «История формирования современной биоты Урала и прилегающих территорий за последние 150 тысяч лет (№ 122021000095-0)» и по теме госзадания «Формирование оригинальных черт российской цивилизации и становление империи на материалах исследований памятников Сибири XVI–XX веков» (FWZG-2025-0013).

Для цитирования: Гасилин В.В., Креминская Е.А., Бачура О.П., Новиков А.В. Жертвенные животные у южных хантов (по материалам святилища XVII–XIX вв. Нялинское-1) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 137–145. doi: 10.17223/15617793/517/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/14

Sacrificial animals at southern khanty Nyalinskoye-1 sanctuary (XVII–XIX)

Vyacheslav V. Gasilin¹, Elizaveta A. Kreminskaya², Olga P. Bachura^{3, 4}, Andrey V. Novikov⁵

^{1, 3} Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

⁴ Surgut State University, Surgut, Russian Federation

⁵ Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

¹ GasilinV@yandex.ru

² liz.ka1999@mail.ru

^{3, 4} olga@ipae.uran.ru

⁵ novikov@archaeology.nsc.ru

Abstract. The authors studied the materials from the archaeological excavation of the multi-temporal complex Nyalinskoye-1. Osteological remains of vertebrate animals testify to ritual sacrifices and meals of the Southern Khanty people at the cult site of the XVII–XIX, located within an uninhabited late medieval settlement on a high promontory at the confluence of the Irtys River with the Ob River. A variety of artifacts (including those made of precious metals) were found and 1146 bones were collected in 2013. We determined the species affiliation of 428 bones. We identified

5 species of domestic (68% of the bones) and 6 species of wild animals (14%), 5 bird bones and 106 fish bones. Reindeer remains (18%) were not assigned to either domestic or wild forms. The bones of all the animals are badly fragmented, some of them have chews of predatory animals (probably dogs) and traces of cut with metal blades. The aim of the study was to reconstruct the peculiarities of the use of animals in ritual practice by the Southern Khanty on the basis of the archaeozoological collection of Nyalinskoye-1 settlement and written records. To achieve the goal the following tasks were formulated: to allocate specific features of osteological material, allowing to refer it to the category of evidence of ritual practices; to confirm the definition of the monument as a sanctuary on the basis of osteological material; to describe the rituals with sacrificial animals at the cult site of Nyalinskoye-1 ancient settlement. The sources of the study are: archaeozoological material of the ancient settlement, office documents, travellers' diaries and scientific works. We used natural-scientific and special-historical methods as a methodological basis of the research. Summing up the results of the study, we note that we have identified and analysed features of osteological material, which, together with the historical and ethnographic context, allowed us to confirm the definition of the monument as a sanctuary. A very high proportion of cattle remains (from young individuals), clusters of mandibles, in situ adjoining to each other mandibles are traces of ritual sacrifices made by the local population. Cattle, horse and reindeer were slaughtered directly on the cape site. Probably elk carcasses were usually butchered in the settlement area and then taken to the sanctuary, so mandibles from this species predominate.

Keywords: Khanty rituals, animal sacrifices, osteology, archaeozoology

Acknowledgements: The authors express their gratitude to the staff of Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg) T.V. Lobanova for help in identification of reindeer bones, PhD of Biological Sciences M.M. Devyashin for identification of ornithological collection of the sanctuary and Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History of Tomsk State University M.P. Chernaya (Tomsk) for valuable comments and discussion of the results of the study.

Financial support: The research was carried out within the framework of the state assignment «History of the formation of the biota of the Urals and adjacent territories over the last 150 thousand years no. 122021000095-0» and the state assignment no. FWZG-2025-0013 «Formation of original features of the Russian civilization and the formation of the empire on the materials of studies of Siberian monuments of the XVI–XX».

For citation: Gasilin, V.V., Kreminskaya, E.A., Bachura, O.P. & Novikov, A.V. (2025) Sacrificial animals at southern khanty Nyalinskoye-1 sanctuary (XVII–XIX). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 137–145. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/14

Ханты (устар. *остяки*) – коренной этнос севера Западной Сибири. Он включает три этнографические группы, отличающиеся самоназванием, диалектами, эндогамией, культурой и хозяйственными приемами: северную, южную и восточную [1. С. 4]. В статье рассматривается святилище южной группы хантов. Южные ханты исконно проживали в Нижнем Прииртышье. Русские¹ начали заселять эту территорию уже с конца XVI в. В XVIII–XIX вв. в низовьях р. Иртыша существовало пять русских волостей. На 1795 г. в них проживало около 8 тыс. ямщиков и крестьян и лишь 1,3 тыс. хантов, а к середине XIX в. – 11,7 тыс. русских и 2,7 тыс. хантов [1. С. 22–23]. С 1630-х гг. ямщики основали у подножия Самаровских гор поселение Самаровский ям, в котором к 1748 г. проживало 487 ямщиков, каждый из которых держал не менее четырех лошадей. [2. С. 120]. К 1788 г. село Самарово превратилось в «крупнейший в Приобье транспортный узел, обеспечивающий... связи с Восточной Сибирью, Китаем, Средней Азией» [2. С. 120]. Село находилось менее, чем в 50 км от городища Нялинское-1, поэтому местные ханты наверняка тесно контактировали с его жителями, например, могли покупать у них домашних животных.

Ханты Нижнего Прииртышья жили «под постоянно усиливавшимся влиянием со стороны все возрастающего русского населения», что привело «к установлению территориальной этнической “чересполосицы”, ...когда хантыйские селения находились в 1–2 км от русских или... подразделялись на две части: русскую и хантыйскую» [1. С. 29]. По замечанию Е.М. Главацкой,

именно южные ханты подверглись «наиболее сильному влиянию русской культуры» [3. С. 185]. Уже в середине XIX в. М.А. Кастрен писал, что у иртышских остяков «русское влияние сказывается всюду: в религии, в нравах, обычаях, и в чувствовании, и в мышлении» [3. С. 185].

Традиционный уклад жизни коренного населения Западной Сибири, включавший занятия охотой, рыболовством и собирательством, существенно трансформировался в Новое время. Изменения были во многом связаны с притоком русского населения после включения этой равнинной области Северной Азии в состав России. На протяжении XVII–XVIII вв. шло интенсивное освоение севера Западной Сибири русскими переселенцами. Их влияние проявилось как в культурно-религиозной, так и в хозяйственно-бытовой сферах жизни аборигенов.

Цель исследования заключалась в реконструкции особенностей использования южными хантами животных в ритуальной практике по материалам археозоологической коллекции городища Нялинское-1. Для достижения цели сформулированы следующие задачи: выделить специфические признаки остеологического материала, позволяющие отнести его к категории свидетельств ритуальных практик; подтвердить определение памятника как святилища на основании остеологического материала; описать ритуалы с жертвенными животными на культовом месте городища Нялинское-1. Источником исследования выступает археозоологический материал, для интерпретации полученных данных привлекаются дневники и заметки путешественников, а также научные публикации.

Материал и методика

На территории расселения южной группы хантов располагается городище Нялинское-1, открытое в Тюменской обл., ХМАО-Югра, в 5 км к СЗ от с. Нялинское при разведочных работах Уральской археологической экспедиции в 1994 г. Исследователи отметили «интереснейший средневековый комплекс из трех городищ и трех поселений у с. Нялино (с. Нялинское. – *Авт.*), отражающий непрерывное проживание локальной группы населения с VIII по XVII–XVIII вв.» [4. С. 10]. Городище находится в районе впадения р. Иртыша в р. Обь, на высоком останце террасы правого берега Оби, на южной оконечности длинного узкого мыса (площадка № 1), отделенной

от городища рвом глубиной до 4 м. Площадка мыса (около 230 м²) существенно пострадала от несанкционированных раскопок и воздействия природных факторов. К настоящему времени мысовой участок памятника полностью исследован.

Л.Н. Сладкова в ходе раскопок 2006–2007 гг. установила, что исследуемый объект с VIII–IX вв. являлся хантыйским поселением, позже стал площадкой для выплавки металла, а с XVII по XIX вв. использовался хантами как культовое место. В 2013 г. раскопки были продолжены А.В. Новиковым: раскоп площадью 78,5 м² и мощностью культурного слоя 35–150 см был соединен с площадкой, исследованной в 2006 г. Заключение Л.Н. Сладковой о ритуальном характере памятника в период со II тыс. н.э. подтвердилось.

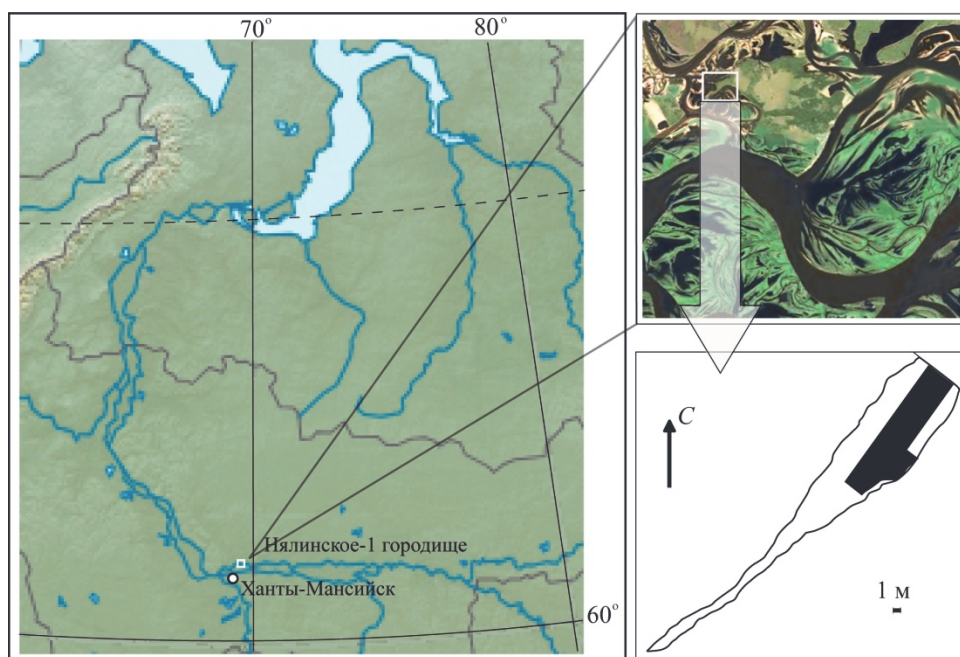

Рис. 1. Расположение городища Нялинское-1 и контур раскопа 2013 г. на площадке мыса

Атрибуцию подтверждает расположение памятника на доминирующем элементе ландшафта вблизи слияния крупных рек; локализация его в пределах давно (в понимании отправителей ритуала) оставленного поселения; наличие следов металлургического производства, которое издавна почиталось уграми (на объекте обнаружены горны, фрагменты литейных форм, тиглей, льячек, воздухоудных трубок, а также, во множестве, шлак и металлические всплески); обнаружение на площадке № 1 многочисленных разновременных предметов, некогда представлявших немалую материальную ценность: серёг и височных колец, бус и подвесок, перстней и колец, накладок, блях из свинцово-оловянного сплава с односторонними рельефными изображениями, «чешуек» и монет XVI–XIX вв. Широко представленные изделия из железа и драгоценных металлов (серебро и бронза) рассматриваются авторами раскопок как приношения на культовое место. Святилище использовалось хантами с XVII по XIX вв. Преобладание в культурном слое монет

XVII в. указывает, что в начальный период функционирования оно посещалось наиболее часто [5. С. 193–195].

Уместно заметить, что в сельское поселение Нялинское входят образованные в разное время д. Нялина и с. Нялинское. Деревня существовала в дорусский период, а село было образовано лишь в XX в. В разное время деревня называлась: Ахтоминские Юрты, Нялинские Юрты, Новосёловы Юрты, Юрты Нялины. Возможно, жители деревни основали святилище или посещали его [6. С. 47].

Объектом исследования стали сборы костных фрагментов позвоночных животных 2013 г. (остеологическая колл. № 2969 Музея ИЭРиЖ УрО РАН, г. Екатеринбург). Определение видовой принадлежности фрагментов костей проводилось по эталонной коллекции ИЭРиЖ УрО РАН. Исследовано 1 146 целых и фрагментарных костей животных: 1 030 млекопитающих, 10 птиц, 106 рыб. Костяные изделия и кости со следами искусственной обработки составили 25 экз.: в

числе индивидуальных находок они были сданы на постоянное хранение в Музей Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск), поэтому их видовая принадлежность оценивалась только по фотоиллюстрациям. Определение возраста наиболее массовых животных осуществлялось по состоянию зубной системы нижних челюстей [7. С. 123–129; 8. Р. 283–302].

Результаты

До вида определены 428 костей млекопитающих, до уровня семейства и рода – 5 костей птиц. Достоверно установлено 12 видов млекопитающих и, как минимум, 2 представителя крупных водоплавающих птиц из семейства утиных. М.М. Девяшин (ИЭРиЖ УрО РАН) определил коракоид, плечевую и берцовую кости крупной утки (род не установлен), а

так же вилочку и пряжку гуся (вид не установлен). В состав видов не включена косуля, которой, по ряду признаков, мог принадлежать погрызенный хищником дистальный конец плечевой кости. Дальнейший анализ проведен в отношении определенных костных остатков млекопитающих. В среднем 1 м² площади раскопа содержал 5,5 экз. определимых костей млекопитающих, наибольшее количество находок собрано вдоль центральной линии квадратов раскопа. На пять представителей домашних млекопитающих пришлось почти 68,5% определенных остатков, а на шесть видов диких – 14,0%; оставшаяся доля принадлежит северному оленю (75 экз.), которого в нашем случае нельзя с уверенностью отнести к домашней или дикой форме. Вместе с тем величина его доли в остатках сопоставима с высокими долями крупных домашних копытных – крупного рогатого скота (КРС) и лошади (рис. 2).

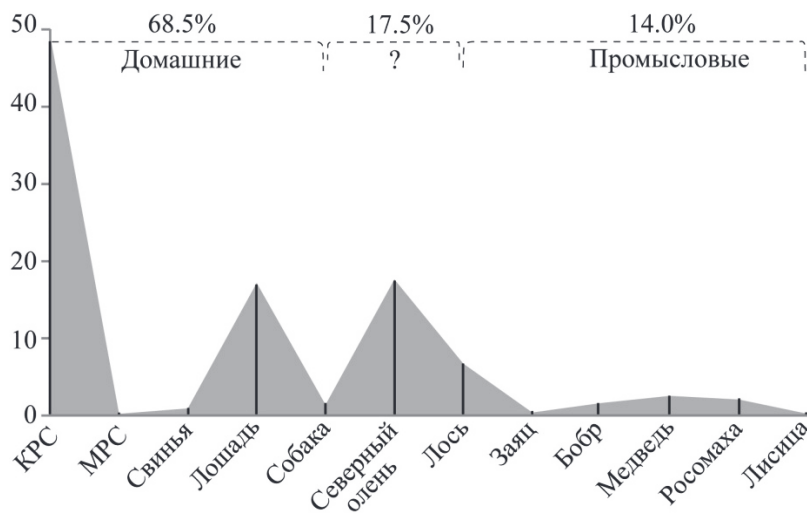

Рис. 2. Соотношение костных остатков животных (n = 428), %
«?» – не установлена принадлежность северного оленя к домашней или дикой форме

КРС (210 экз.) составил половину определимых остатков. Большинство костей (80%) от молодых животных, главным образом, телят. Многочисленные остатки нижних челюстей позволили восстановить наличие в материале минимум 12 особей. В возрастной группе телят возрастом 6–18 мес. (из моляров только m1) девять особей. В группе в возрасте 18–30 мес. (присутствует m2, но отсутствует m3) две особи. Наконец, в группу взрослых вошла лишь одна особь около 3 лет (прорезался m3). Порезы металлическим лезвием имеются на 12 костях, следы зубов хищных зверей (вероятно, собак) замечены на 17 костях, следы обоих видов повреждений – на трех костях, одна кость повреждена пищеварительными соками. На 8 лопатках имеются искусственные проломы, на 4 ребрах особей старших возрастных групп – следы подрезаний. Среди парных костей скелета (включая кости черепа) сопоставимо число правых (53%) и левых (47%) элементов (всего 109 экз.).

МРС (мелкий рогатый скот) принадлежал фрагмент диафиза пястной кости.

Свинья представлена взрослой (нижняя челюсть самца) и молодой (два фрагмента ребер и диафиз плечевой кости) особями. Проксимальный конец плечевой кости срезан, диафиз, вероятно, несколько заполирован.

Лошади (71 экз.) принадлежало 16,6% костей. Наиболее многочисленны и сохранены изолированные зубы. По зубам и нижним челюстям выявлены, как минимум, четыре особи 1–4,5 лет. Следы подрезаний замечены на 3 костях, следы зубов хищных зверей – на 2 нижних челюстях.

Собаке – минимум двум взрослым особям – принадлежали нижняя челюсть, резец, два шейных позвонка и три локтевые (на одной следы от подрезания) кости.

Северный олень (75 экз.) среди определимых костей составил пятую часть. Наименьшее число особей (по нижним челюстям), которым могли принадлежать остатки – три взрослых оленя старше 3 лет. Следы порезов отмечены на 4 костях, следы погрызов хищными зверями – на 6 костях. Остатков парных костей с правой стороны 56%, с левой – 44% (всего 35 экз.).

Лось (29 экз.) в материале представлен, в основном, нижними челюстями. Фрагмент резцового отдела нижней челюсти, крупные фрагменты тел нижних челюстей (с рядами щечных зубов) с левой стороны и один такой же фрагмент с правой стороны, фрагмент погрызенной хищными зверями восходящей ветви челюсти с правой же стороны тела принадлежали минимум пяти взрослым особям в возрасте от 3 лет. Среди костей конечностей встречены фрагменты плечевой и центральной кости заплюсны, побывавшие в огне. Следы зубов хищных зверей замечены на 2 костях, следы подрезаний – так же на 2 (лучевая кость и первая фаланга).

Лисице принадлежал нижний премоляр.

Медведю – двум взрослым особям – 2 грудных позвонка (1 со следами погрызов крупных хищных зверей), 1 поясничный, 2 полные пястные, фрагмент кальцинированной (сожженной) плюсневой, фрагмент пястной или плюсневой, 2 плечевых (1 кальцинированная), 2 бедренных (обе с правой стороны тела, на одной следы от подрезания) костей.

Росомахе – двум особям (из них одна молодая, с незрелым костяком) принадлежали 2 поясничных и 1 фрагмент хвостового позвонка, 2 фрагмента ребра, фрагменты плечевой, лучевой (со следами от подрезания), 2 локтевых костей, проксимальный эпифиз берцовой кости.

Заяц представлен неполными плечевой и берцовой костями от двух особей.

Бобра, минимум двух особей (достоверно одна с незрелым костяком), представляют полная ключица, крупные обломки плечевой, локтевой, 2 бедренных, фрагменты больше- и малоберцовой костей.

Особенностью святилища можно считать высокую фрагментарность костей домашних (включая собаку) и всех без исключения диких животных. Обращает на себя внимание раздробленность и разрозненность костей бурого медведя, культ которого широко практиковался с каменного века на всем протяжении ареала зверя [9. С. 78–80; 10. С. 193].

Наиболее полно состав костей скелета отражен у многочисленных в остатках копытных животных: у КРС, лошади, северного оленя и лося (табл. 1).

Соотношение остатков черепа и нижней челюсти, а также позвонков у КРС, лошади и северного оленя схожи. Схоже и соотношение изолированных зубов у КРС, северного оленя и лося, но вряд ли это имеет самостоятельное значение, учитывая, что зубы у лошадей легче, чем у названных копытных, высвобождаются из челюстей, отчего последние скорее разрушаются.

Выделяет выборку КРС сравнительно большая доля фрагментов лопаток, диафиза берцовых, пястных и плюсневых костей, выборку оленя – высокая доля обломков ребер и лучевых костей. Относительно мало численны в материале по копытным кости дистальных отделов конечностей (в табл. 1: пястная кость и кости от пяточной до «мелкой кости»), нередкие в бытовых кухонных остатках.

Доли костей туловища (позвонок, ребро, лопатка, таз) и костей проксимального отдела конечностей наибольшие у северного оленя – 38 и 28%. Аналогичные показатели для КРС – 30 и 22%, для лошади – 22 и 10%.

Таблица 1

Соотношение элементов скелета крупных копытных, %

Элемент скелета	КРС	Лошадь	Северный олень	Лось
Череп	7	11	5	7
Нижняя челюсть	11	13	8	32
Отдельный зуб	10	26	11	7
Позвонки	7	8	8	–
Ребра	9	12	26	3
Лопатка	10	1	1	7
Плечевая	5	1	4	7
Лучевая	1	–	9	10
Локтевая	1	3	3	–
Пястная	5	3	1	3
Таз	4	1	4	3
Бедренная	6	3	5	7
Берцовая	9	3	7	–
Пяточная	2	–	1	–
Таранная	1	–	1	–
Плюсневая	6	3	3	–
Фаланга 1	1	3	1	3
Фаланга 2	1	–	1	3
Фаланга 3	1	1	–	–
Пястная или плюсневая	1	1	1	1
Мелкая кость*	4	7	–	7
Количество, экз.	210	71	75	29

* Грифельная, кости запястья и заплюсны, сесамовидные кости.

Неопределимые кости млекопитающих составили 502 экз. (размером 1–7 см). Они не содержали признаков, по которым возможно установление вида, а нередко и наименования кости.

Помимо этой суммы насчитано порядка 100 мелких кальцинированных и горелых осколков костей менее 0.7

см в диаметре, которые составляли компактное скопление в культурном слое, а по сути, могли происходить от единственной кости (либо от некропных фрагментов нескольких костей). Проблемные остатки распределены на условные группы: «теленки КРС» – 341 экз. (голова 5%, туловище 49%, конечности 46%), «северный олень» –

22 экз. (голова 5%, туловище 18%, конечности 77%), «крупное копытное» – 54 экз. (голова 4%, туловище 29%, конечности 67%) и «обломки» – 85 экз. (кости пластинчатые 20% и губчатые 80%).

Ввиду обнаружения *in situ* нижних челюстей северного оленя и самца свиньи (виды определены по фото-иллюстрации) в соприкосновении друг с другом, проведен анализ случаев нахождения на одном квадрате трех и более челюстей копытных животных. Оказалось, что 11 из 19 нижних челюстей копытных (58%) найдены в пределах одного квадрата совместно с двумя и более челюстями: на трех квадратах раскопа 2–3 челюсти КРС обнаруживались вместе с 1–2 челюстями лошади, северного оленя или лоса. Заметим, что это были смежные квадраты, следующие в линии один за другим.

Обсуждение

Среди копытных животных (390 костей), которые составили большую часть (91%) идентифицированного материала, есть как преобладающие в нем домашние формы (73%), так и заведомо представители лесной фауны (8%). Довольно многочисленные остатки северного оленя (19%) невозможно отнести к дикой или домашней форме, т.к. не существует методики разделения двух форм по морфологическим признакам.

Наряду с рыболовством важную роль в традиционном хозяйстве хантов Нижнего Прииртышья играл охотничий промысел. Объектами охоты были лось, дикий северный олень, медведь и пушные звери: соболь, горностай, россомаха, лисица, заяц, белка, бобр. Охотничий сезон начинался осенью и длился всю зиму [1. С. 32]. В XVII–XVIII вв. охота на пушных зверей была широко распространена. К началу XIX в. их промысел сократился, а к концу века основной доход приносила белка [1. С. 33]. На святилище не обнаружены кости соболя, горностая и белки, но зафиксированы единичные кости бобра, россомахи, лисицы и зайца.

Время использования площадки мыса как святилища приходится на период становления и развития взаимоотношений хантского и русского населения. Исконные занятия и верования аборигенов начинают меняться: у населения появляется домашний скот, а бытовавшие религиозные воззрения оказываются под

натиском христианизации. Вначале остановимся на вопросе развития у хантов производящих отраслей хозяйства, а затем перейдем к рассмотрению языческих верований и роли в них животных.

Животноводство Прииртышских хантов

В этой статье мы не имеем возможности заняться поиском истоков хантского животноводства, изучением свидетельств появления у хантов первых домашних животных. По мнению В.Н. Адаева, «вопрос о древних корнях животноводства и земледелия у обских угров и вероятной преемственности этих занятий в истории остается предметом обсуждения в науке» [11. С. 81]. Несомненно только, что русские способствовали выделению хантского животноводства в отрасль производящего хозяйства. Е.М. Главацкая отмечает, что «одним из реальных результатов активного хозяйственного взаимодействия хантов с русскими было распространение и развитие скотоводства» [3. С. 92]. Так, уже на начало XVIII в. известно, что «зажиточные ханты, жившие вблизи Березова и в Кодских городках» не просто покупали у русских, но «держали лошадей», а сургутские ханты «порой отправлялись на лошадях на промысел» [3. С. 92]. На рубеже XVIII–XIX вв. животноводство становится важной отраслью хозяйства Прииртышских хантов во многом благодаря тому, что пойма р. Иртыша обеспечивала благоприятные условия для выпаса скота и заготовки сена [12. С. 320–321].

Средняя похозяйственная обеспеченность скотом в Прииртышском ареале в начале XIX в. существенно разнилась (табл. 2). В некоторых хозяйствах вообще не держали скота, в некоторых – обходились единственной лошадию, чаще 1–3 лошадьми и 1–2 коровами. Наибольшее количество скота в хозяйстве – по 10 голов лошадей, коров и овец. Общее поголовье хантского скота на Прииртышском ареале к 1828 г. составляло 3 252 головы лошадей, коров и овец. Стоит учитывать, что «средние величины далеко не отражают реальной картины обеспеченности хозяйств скотом», однако подтверждают наличие животноводства и дают приблизительное представление о его масштабах [1. С. 34–35].

Таблица 2

Обеспеченность хантов Прииртышского ареала скотом в XIX в. (по: [3])

Период	Волость	Лошадь	Корова	Овца
Нач. XIX в.	Средняя обеспеченность инд. хозяйств скотом			
	Салымская	0,7	–	–
	Назымская	4	4,7	5
	Селиярская	–	0,5	–
	Темлячевская	–	–	0,4
1828 г.	Общее поголовье скота			
	Меньше-Кондинская, Назымская и Нарымская	707	681	400
	Прииртышский ареал	1508	1209	535
Кон. XIX в.	Средняя обеспеченность инд. хозяйств скотом			
	Меньше-Кондинская	–	–	0,1
	Нарымская	2,5	2,7	–
	Назымская	–	4,3	2,6
	Темлячевская	3,8	–	–
1897 г.	Общее поголовье скота			
	Меньше-Кондинская	467	418	139
	Назымская	122	168	63
	Нарымская	379	313	146
	Всего в трех волостях	968	899	348

Ритуалы с животными

Обские угры сохраняли языческие верования, несмотря на то, что были крещены в начале XVIII в. [1. С. 208–209]. Поддерживалась традиция приносить языческим божествам кровавую жертву, чему сохранились многочисленные письменные свидетельства. Например, в 1750 г. троих новокрещеных Самаровского уезда обвинили в том, «что в Великий пост купили у татар пять лошадей, совершили жертвоприношение и ели мясо по своему древнему обычаю» [3. С. 149]. Спустя два столетия З.П. Соколова побывала на священном месте Ялпусойки напротив д. Вежакары и зафиксировала жертвоприношение телят и кур [3. С. 187]. Поскольку посещение культового места являло собой языческое таинство, в XVIII–XIX вв. за ним могло последовать наказание. В царской грамоте «об истреблении остяцких идолов» от 7 июня 1710 г. Петр I повелевал «по юртам остяцким мнимые боги шайтаны огнем палить и рубить и капища их разорить, а вместо тех капищ часовни строить и святые иконы поставлять», а остякам, которые вздумают сопротивляться «будет казнь смертная» [13. С. 413–414]. Постепенно у обских угров сложилась ситуация двоеверия: язычество тесно переплелось с заимствованиями из православия [1. С. 44]. Так, П.П. Инфантьев, побывавший у обских угров в конце XIX в., приводит рассказ вогула о принесении последним белого барашка в жертву иконе Николая Чудотворца для улучшения промыслов [14. С. 72–74].

Многовековое ритуальное использование площадки Нялинского-1 свидетельствует как о высокой религиозной значимости святилища, так и о сохранении хантами тайны его местонахождения. Ф.Г. Мартин так описал расположение одного из святилищ восточных хантов: «ни одна тропа не вела к этим жертвенным местам, и располагались они настолько скрытно в стороне, насколько это было возможно» [3. С. 177]. З.П. Соколова обоснованно полагает, что «раньше многие священные места и постройки (хантов. – *Авт.*) располагались в поселке и лишь со временем были спрятаны в лесах» [15. С. 594]. А.П. Зенько замечает, что «культовые места и связанные с ними верования сохраняются у хантов лучше многих элементов духовной культуры» [16. С. 106].

Каждое божество, почитавшееся хантами, «требовало особого отношения к себе в форме приношений или жертвоприношений» [3. С. 127]. Большинство хантыйских ритуалов состояло из «молитвы... и жертвоприношения оленя, лошади или более мелкого животного или подношения отреза материи, продуктов, денег, небольших подарков в менее серьезных случаях» [3. С. 127–128]. Ряду божеств было принято приносить кровавые жертвы – йир. Список жертвенных животных различался у разных групп хантов и менялся во времени. З.П. Соколова называет основные жертвенные виды на святилищах хантов: олень, лошадь, КРС, за неимением их – куры, петухи [15. С. 596]. Те же виды фигурируют у Е.П. Мартыновой: «наиболее распространенным жертвенным животным у хантов Среднеобского ареала был петух, часто жертвовали лошадью, овец, коров, реже – оленя» [1. С. 78]. У юганско-пимских хантов, напротив, существовал запрет на

принесение в жертву куриц и петухов [1. С. 160]. А.П. Зенько отмечает, что ханты п. Кинямино на р. Малый Юган в качестве «традиционного» жертвенного животного на святилище Кон-пах-ики использовали домашнего оленя, «в последние годы (сведения 1980-х гг. – *Авт.*) все чаще заменяемого бараном» [16. С. 111]. Интерес представляет упоминание именно домашней формы оленя.

Жертвоприношения имели место в ритуалах с разным числом участников [15. С. 527]. Заклания животных отдельными лицами совершались по обещанию: например, при тяжелой болезни [12. С. 198]. В хантыйских семьях было принято «перед промыслом убивать оленя, лошадь, корову» [15. С. 527]. Коллективные жертвоприношения совершались по желанию общества юрт: в праздники, перед началом общественных промыслов. Жертвенное животное (лошадь или корова) приобреталось вскладчину [12. С. 199]. Коллективный обряд традиционно сопровождался кровавой жертвой [16. С. 111].

Ритуал могли совершать в жилом помещении и на территории вокруг него; там, где находился нуждающийся в ритуале; на священном месте [3. С. 128]. Священные места хантов разделяют на природные ландшафты с сакральными постройками и без них [4. С. 153]. К этому списку З.П. Соколова добавляет «городища и другие старинные поселения» [15. С. 594]. Итак, в первом случае на священном месте устраивали культовый амбар с изображением божества, «нередко сооружали целые культовые комплексы: помосты, навесы, шесты, полки-столы» [15. С. 595]. Изучаемому нами священному месту соответствует второй случай, когда поклонялись «необычной форме природного или ландшафтного объекта», обходясь лишь костровищем, «необходимым для ритуала» [3. С. 128]. Вероятно, костер использовали для приготовления мяса жертвы [15. С. 595]. Мясо разрешалось съесть или унести в поселок, так как считалось, что духи питаются лишь паром [16. С. 112]. Наличие в исследованном нами материале кальцинированных и обугленных фрагментов костей (в т.ч. лося и медведя) указывает на термическую обработку туш.

В сакрализации же мыса нет ничего исключительного, так как почти все выступы рельефа обские угры наделяли сакральным статусом [4. С. 155]. Так, ханты Васюгана приносили жертвы мысу, вдающемуся в оз. Тух-Эмтор [17. С. 92].

Священные места принадлежали духам и выступали своего рода «заповедниками»: на их территории запрещалось рвать траву и ветви растений, заниматься собирательством, охотой, ловить рыбу [15. С. 595]. Бытует жанр устных рассказов о том, «как был наказан человек, преступивший табу, например, обломавший ветки на дереве, которое растет на священной горе» [4. С. 155].

У хантов существовало раздельное для мужчин и женщин отправление обрядов и раздельные священные места, на которые не допускались представители другого пола.

Мужчины приводили на свои священные места, располагавшиеся за поселком, жертвенное животное и забивали его во время ритуала. На женских священных местах, обычно располагавшихся в поселке, никогда не

проводились кровавые ритуалы: духов угощали принесенной из дома пищей [15. С. 601–607].

А.П. Зенько отводит главную роль в повседневной жизни хантов поселковым святилищам местного духа-покровителя – основного помощника и защитника жителей поселка [16. С. 106]. По сведениям Е.П. Мартыновой, за помощью Прииртышские ханты «чаще обращались к божествам более низкого ранга – духам-хозяевам реки, селения, семьи» [1. С. 46]. Она также подчеркивает, что «наиболее значимыми для конкретного человека ханты считают местных, а не общеугорских богов», объясняя феномен «слабой эмоционально-идеологической консолидацией этноса» [1. С. 209].

Ханты часто развешивали на деревьях шкуры, рога, черепа, кости животных, что выступало элементом промыслового культа. Он предполагал бережное обращение с костями съеденных животных, гарантировавшее стабильность их популяции и неизменный успех в охоте. С теми же целями охотники держали в доме лапки пушных зверей, олени копытца, грудные косточки глухаря, зоб тетерки, челюсти некоторых видов рыб [15. С. 529]. Ф.Г. Мартин приводит подробное описание величественного кедра на священном месте «Кедровый остров» в 20 верстах от г. Сургута: «...от вершины до корня он был увешан почти пятьюдесятью звериными шкурами. На самой верхушке... шкура черного лося; прочие шкуры были лошадей и коров. На одном дереве я обнаружил шкурки рыжих белок... На соседних деревьях и на воткнутых между ними шестах висели лошадиные шкуры. На земле лежало множество лошадиных и оленьих костей, остатков жертвоприношения» [3. С. 177]. Описание соответствует ситуации обнаружения на площадке Нялинского-1 разрозненных костей домашних и диких копытных со следами зубов крупных хищников. Вероятно, ханты развешивали кости умерщвленных животных на деревьях, оставляли их на поверхности земли, после чего хищники растаскивали и разгрызали кости.

Заключение

Ритуальный комплекс городища классифицирован нами как мужское святилище, вероятно, местного значения, основными посетителями которого были жители ближайших населенных пунктов, например, д. Нялина. На святилище не зафиксировано следов амбара или других культовых построек, что дает основание считать главным объектом культа ландшафтную доминанту – вдающийся в болотистую пойму р. Оби узкий длинный мыс, покрытый темнохвойным лесом.

Для совершения кровавой жертвы – йир – наиболее часто использовали телят и взрослого КРС, лошадь, северного оленя, лося. Забивались в основном домашние

копытные, в т.ч. свинья. Согласно собранным данным, эти копытные выступали традиционными жертвенными животными у хантов.

В этом исследовании невозможно подтвердить наличие у посещавших святилище хантов животноводства, так как при раскопках площадки № 1 не обнаружено скотоводческого инвентаря. По этой же причине северного оленя (17,5% костей) нельзя отнести к домашней или дикой форме. Наличие у хантов животноводства подтверждается письменными источниками XVIII–XIX вв. Наличие на святилище костей домашних копытных говорит о влиянии русской традиции, так как животные, несомненно, покупались у русских: для разведения или принесения в жертву.

На святилище не обнаружены кости таких широко добывавшихся хантами до XIX в. пушных видов, как соболь, горностай, белка. Однако встречаются единичные кости росомахи, бобра, зайца и лисицы (5% костей), что исключает активное использование пушных зверей в ритуалах на святилище Нялинское-1. Возможно, охотники хранили их кости в доме в соответствии с промысловым культом.

Судя по полноте состава скелета и соотношениям его элементов (с учетом стороны тела), КРС, лошадь и северного оленя или забивали непосредственно на площадке мыса, или туда приносили целые туши. Поскольку лось представлен преимущественно нижними челюстями, допустимо заключить, что его раздвигали на месте добычи или на поселении и приносили на площадку частями. На святилище могли приносить только кости, предварительно приготовленные и освобожденные от мяса на поселении. Значительная доля остатков телят, обнаруженные *in situ* примыкавших друг к другу нижних челюстей северного оленя и самца свиньи, а также неплотных скоплений челюстей копытных уподобляют материал ритуальным подношениям. Однако довольно высокая фрагментарность костей, наличие следов подрезания сухожилий и следов зубов хищников, которые, вероятно, имели доступ к костям после человека, сближают материал с кухонными остатками поселения. Наблюдаемое в интерпретации противоречие снимается при классификации основной массы остеологических находок как остатков священнодействий, сопровождавшихся трапезами. Это последнее обстоятельство объясняет высокую долю костей «мясных» частей туш копытных (туловища и проксимального отдела конечностей).

Святилище функционировало до конца XIX в. и было постепенно забыто. Возможно, в связи с ослаблением язычества, ведь именно Прииртышские ханты подверглись самому интенсивному влиянию русских переселенцев, переняв их быт и культуру и отказавшись от традиционных практик.

Примечание

¹ Один из авторов работы считает более точным термин «восточноевропейское население».

Список источников

1. Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М. : Российская академия наук, 1998. 236 с.
2. Чукунова И.Ю., Асыкеев И.В., Шаймуратова Д.Н. Основные итоги исследования культурного слоя поселения Самаровский Ям (г. Ханты-Мансийск) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 4. С. 119–132.
3. Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII–XX вв. Екатеринбург ; Салехард : РА АРТмедиа, 2005. 360 с.
4. Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Тезис, 2002. 224 с.
5. Новиков А.В., Новикова О.И. Городище Нялинское-1 как ритуально-производственный комплекс // IV Северный археологический конгресс: материалы. Екатеринбург : Изд-во Института истории и археологии УрО РАН, 2015. С. 193–195.

6. Исламова Ю.В. Языковая ситуация села Нялинское Ханты-Мансийского района ХМАО-Югры в историческом аспекте // Вестник угроведения. 2015. № 4 (23). С. 46–52.
7. Акаевский А.И. Анатомия северного оленя. Л. : Изд-во Главсевморпути, 1939. 327 с.
8. Silver I.A. The ageing of domestic animals // Science in archaeology: a survey of progress and research. New York : Praeger Publishing, 1970. P. 283–302.
9. Васильев Б.А. Медвежий праздник // Советская этнография. 1948. № 4. С. 78–104.
10. Гасилин В.В., Горбунов С.В. Медведь и собака в остатках святилища в устье реки Агнево (центральный Сахалин) // Этнографическое обозрение. 2018. № 3. С. 184–200.
11. Адаев В.Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень : Вектор Бук, 2007. 240 с.
12. Кондинский край XVI – начала XX вв. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях / под общ. ред. В.И. Байдина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. 388 с.
13. Памятники Сибирской истории XVIII века / ред. А.И. Тимофеев. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1882. Кн. 1: 1700–1713. 511 с.
14. Инфантьев П.П. Путешествие в страну вогулов / с фот. К.Д. Носилова. СПб. : Издание Н.В. Ельманова, 1910. 199 с.
15. Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М. : Наука, 2009. 756 с.
16. Зенько А.П. Поселковые святилища у хантов Малого Югана // Вестник Тюменского государственного университета. 1998. № 1. 1998. С. 105–112.
17. Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1984. 196 с.

References

1. Martynova YE.P. Ocherki istorii i kul'tury khandov. M. : Rossiyskaya akademiya nauk, 1998. 236 s.
2. Chikunova I.YU., As'keyev I.V., Shaymuratova D.N. Osnovnyye itogi issledovaniya kul'turnogo sloya poseleniya Samarovskiy Yam (g. Khanty-Mansiysk) // Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii. 2024. № 4. S. 119–132.
3. Glavatskaya YE.M. Religioznye traditsii khandov XVII–XX vv. Yekaterinburg ; Salekhard : RA ARTmedia, 2005. 360 s.
4. Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniya khandov (Materialy k atlasu). 2-e izd., ispr. i dop. Yekaterinburg : Tezis, 2002. 224 s.
5. Novikov A.V., Novikova O.I. Gorodishche Nyalinskoye-I kak ritual'no-proizvodstvennyy kompleks // IV Severnyy arkhologicheskii kongress: materialy. Yekaterinburg : Izd-vo Instituta istorii i arkhologii URO RAN, 2015. S. 193–195.
6. Islamova YU.V. Yazykovaya situatsiya sela Nyalinskoye Khanty-Mansiyskogo rayona KHAMAO-Yugry v istoricheskom aspekte // Vestnik ugrovedeniya. 2015. № 4 (23). S. 46–52.
7. Akayevskiy A.I. Anatomiya severnogo olenya. L. : Izd-vo Glavsevmorputi, 1939. 327 s.
8. Silver I.A. The ageing of domestic animals // Science in archaeology: a survey of progress and research. New York : Praeger Publishing, 1970. P. 283–302.
9. Vasil'yev B.A. Medvezhiy prazdnik // Sovetskaya etnografiya. 1948. № 4. S. 78–104.
10. Gasilin V.V., Gorbunov S.V. Medved' i sobaka v ostatkakh svyatilishcha v ust'ye reki Agnevo (tsentral'nyy Sakhalin) // Etnograficheskoye obozreniye. 2018. № 3. S. 184–200.
11. Adayev V.N. Traditsionnaya ekologicheskaya kul'tura khandov i nentsev. Tyumen' : Vektor Buk, 2007. 240 s.
12. Kondinskiy kray XVI – nachala XX vv. v dokumentakh, opisaniyakh, zapiskakh puteshestvennikov, vospominaniyakh / pod obshch. red. V.I. Baydina. Yekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2006. 388 s.
13. Pamyatniki Sibirskoy istorii XVIII veka / red. A.I. Timofeyev. SPb.: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1882. Kn. 1: 1700–1713. 511 s.
14. Infan'tyev P.P. Puteshestviye v stranu vogulov / s fot. K.D. Nosilova. SPb. : Izdaniye N.V. Yel'manova, 1910. 199 s.
15. Sokolova Z.P. Khanty i mansi: vzglyad iz XXI v. M. : Nauka, 2009. 756 s.
16. Zen'ko A.P. Poselkovyye svyatilishcha u khandov Malogo Yugana // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 1998. № 1. 1998. С. 105–112.
17. Kulemzin V.M. Chelovek i priroda v verovaniyakh khandov. Tomsk : Izd-vo Tomsk. un-ta, 1984. 196 s.

Информация об авторах:

Гасилин В.В. – канд. биол. наук, старший научный сотрудник Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия). E-mail: GasilinV@yandex.ru

Креминская Е.А. – аспирант кафедры археологии и исторического краеведения Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: liz.ka1999@mail.ru

Бачура О.П. – канд. биол. наук, старший научный сотрудник Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия); научный сотрудник Сургутского государственного университета (Сургут, Россия). E-mail: olga@ipae.uran.ru

Новиков А.В. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: novikov@archaeology.nsc.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.V. Gasilin, Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: GasilinV@yandex.ru

E.A. Kreminskaya, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: liz.ka1999@mail.ru

O.P. Bachura, Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation); Surgut State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: olga@ipae.uran.ru

A.V. Novikov, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: novikov@archaeology.nsc.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025;
одобрена после рецензирования 28.03.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 24.03.2025;
approved after reviewing 28.03.2025; accepted for publication 29.08.2025.